

Иерархическая структура в криминальном сообществе

С. И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Е. С. ЯКУШИНА – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского Университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук

Реферат

В статье рассматриваются вопросы развития иерархической структуры криминального сообщества. Начало стратификации заключенных связано с развитием тюремной системы дореволюционной России. Преступники, изолированные от правопослушных граждан, еще со времен создания тюремной системы в России составляли сообщество, которое являлось хорошо организованным и сплоченным союзом «воровских людей». Будучи зеркальным отражением общества, тюремная община была неоднородной и, соответственно, расслаивалась на господствующий класс, эксплуатируемый класс и отверженных. С изменением общественного строя и карательной политики государства видоизменялась система стратификации в криминальном сообществе. Так, к началу XX в., когда произошло резкое увеличение числа заключенных, тюремная община утрачивает свое значение и на смену ей приходит тюремное сообщество. На первоначальном этапе функционирования лагерей осужденные содержались без охраны под надзором администрации. Труд был обязательным для всех категорий правонарушителей, отбывавших наказания. Изменение условий содержания в лагерях повлекло за собой расслоение лагерников на категории. Соответственно, претерпела изменение существовавшая до того официальная система стратификации контингента. В современных условиях стратификация имеет в разных исправительных учреждениях свои особенности, которые раскрываются в настоящей статье, где также дается характеристика отдельных категорий осужденных.

Ключевые слова: стратификация; заключенный; закон; криминальный мир; криминальная субкультура.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Hierarchical structure in the criminal community

S. I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

E. S. YAKUSHINA – Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, PhD. in Law

Abstract

The article discusses the development of the hierarchical structure of the criminal community. The beginning of the stratification of prisoners is associated with the development of the prison system of pre-revolutionary Russia. Criminals isolated from law-abiding citizens since the creation of the prison system in Russia made up a community that was a well-organized and close-knit community of «thieves». Being a mirror image of society the prison commune was heterogeneous and, accordingly, was stratified into a ruling class, into an exploited class and outcasts. With a change in the social system

and the punitive policy of the state the system of stratification in the criminal community was modified too. So, by the beginning of the twentieth century, when there was a sharp increase in the number of prisoners, the prison commune was losing its significance and the prison community was replacing it. At the initial stage of the functioning of the camps, convicts were kept without protection under the supervision of the administration. Labor was mandatory for all categories of offenders serving their sentences. Changing the conditions of detention in the camps entailed the stratification of the camps into categories. Accordingly the previously existing formal system of stratification of the contingent has undergone a change. In modern conditions stratification has its own characteristics in different correctional institutions. The article reveals these features as well as characterizes certain categories of convicts.

Key words: stratification; a convicted; law; the criminal world; criminal subculture.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В криминальном мире существует четко выраженная иерархическая структура. По утверждению Ю. М. Антоняна, она повторяет стратификацию в обществе, деля население государства на сословия [3, с. 324–331].

Общеизвестно, что исправительное учреждение (колония, тюрьма) выступает в качестве инструмента реализации карательной политики государства. Преступники, изолированные от правопослушных граждан, со времен создания тюремной системы в России составляли арестантскую общину, которая, по мнению начальника Главного тюремного управления, представляла собой хорошо организованный и сплоченный союз «воровских людей». Община имела независимое от тюремного начальства внутреннее самоуправление, которое состояло из избранных из среды арестантов лиц – старост, кашеваров, банщиков, истопников и т. п. Отношения с тюремной общиной администрация тюрем строила на договорных началах. Руководители тюрем были заинтересованы в том, чтобы никто из преступников не совершил побег, не было бунтов среди арестантов, и община брала на себя это обязательство. Администрация со своей стороны гарантировала невмешательство в дела общины, в которой процветало пьянство, карточные игры, общение с внешним миром через торговые отношения [5].

Тюрьмы, как известно, являлись местом отбывания наказания не только профессиональных преступников, но и людей случайных, совершивших незначительные преступления в силу различных жизненных обстоятельств [6]. Будучи зеркальным отражением общества, тюремная община была неоднородной и, соответственно, расслаивалась на господствующий класс, эксплуатируемый класс и отверженных. Изучив тюремный быт и права заключенных, А. И. Свирский, используя терминологию преступников, приводит классификацию

(стратификацию), присущую тюремной общине. Заключенных, не относящихся к профессиональным преступникам и осужденных за нетяжкие преступления, он называет «брусами», подразделяя их на «брусов легавых», то есть заключенных, которые после освобождения больше преступлений не совершают, и «брусов шпановых», которые, отбывая наказание за незначительное преступление, попадают под влияние преступников-профессионалов. Однако в тюремной общине «брусы» – это те заключенные, над которыми издевались стоявшие на более высокой иерархической ступени.

Тон в тюрьме задавали «фартовики», разделенные на три категории, вместе составлявшие основу тюремного мира: «жиганы» – картежники и бродяги, «шпана» – воры, «счастливыцы» – мошенники и шулеры. Дальше эти категории подразделялись на виды в зависимости от криминальной специализации. Жиганы делились на три вида, «шпана» – на восемь, «счастливыцы» – на шесть [8].

«Фартовые ребята» стремились утвердиться в тюремной общине в качестве привилегированной касты, власть которой распространялась на всех остальных заключенных. Основываясь на изучении характера взаимоотношений и иерархии в тюремной общине, А. И. Свирский писал, что только тот арестант может пользоваться известным почетом и уважением среди заключенных, который ознаменовал свою порочную деятельность какими-нибудь важными преступлениями, который находится в дружеских отношениях со знаменитостями тюремного мира, азартно и рискованно играет в карты, или тот, наконец, который обладает необыкновенной физической силой. Последнее качество – самое важное для арестанта: перед грубой силой бледнеют все прочие добродетели.

К началу XX в., когда происходит резкое увеличение числа заключенных, тюремная

община утрачивает свое значение и на смену ей приходит тюремное сообщество. Претерпевает изменение и существовавшая ранее стратификация. Руководящая роль в местах лишения свободы стала принадлежать «иванам» – авторитетам уголовной среды, неоднократно судимым, главным носителям тюремной субкультуры. «Иван» – высший неформальный статус для осужденного, который можно было заслужить только образом жизни и поведением, иногда их еще называли «сидельцами» или «паханами». Главные их достоинства – неоднократно судимость и непререкаемый авторитет, они повидали лишения, опытные и надежны [4].

В криминальном мире советского периода считалось, что страсть к накопительству закладывает в душу вора подлость, делает его самым объектом воровства. Поэтому, совершив солидную кражу, вор сорил деньгами.

Рассматривая проблему стратификации заключенных, В. М. Анисимков пишет: «Вторую ступень занимали “храпы”. “Храпеть” на уголовном жаргоне – проявлять недовольство. Ее представители, образно выражаясь, “храпели” буквально на все. Они возмущались всем, все признавали неправильным, незаконным, несправедливым, получали удовольствие от любого ими затеянного конфликта, уходя при этом в тень. Они стремились стать “иванами”, но в силу различных обстоятельств не могли достичь верхней ступени, так как не обладали достаточным субкультурным опытом и личными качествами, необходимыми для занятия привилегированного положения в среде заключенных» [1, с. 88].

Нами это суждение не разделяется, так как ни в официальных ведомственных документах, ни в научной литературе, ни в издаваемых в 1920-е гг. исправительными домами газетах и журналах о такой категории осужденных не упоминается. Наша попытка отыскать этот термин и его значение в специальных словарях, изданных в разное время, успехом не увенчалась. Отсюда правомерно сделать вывод о том, что вторую ступень стратификации занимали так называемые «жиганы». В эту категорию входили лица, допустившие нарушения тюремных традиций и обычаев.

На последней ступени арестантской иерархии находилась «шпанка», к которой относились осужденные, опустившиеся в силу тех или иных обстоятельств.

Эта стратификация действовала в 1920-х гг. в условиях содержания заклю-

ченных в тюрьмах, переименованных в исправительно-трудовые дома. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. стала формироваться система исправительно-трудовых лагерей с резко изменившимися условиями отбывания наказания. В апреле 1930 г. постановлением СНК СССР было утверждено «Положение об исправительно-трудовых лагерях», которое преследовало цель по охране общества от особо социально опасных преступников. Лагеря предназначались для содержания лиц, осужденных судом или «особым постановлением ОГПУ» на срок от трех до десяти лет. Положением предусматривалась классификация заключенных по трем категориям в зависимости от их социального положения и характера совершенного преступления. К первой категории относились заключенные из числа трудящихся, пользовавшиеся до осуждения избирательными правами, впервые осужденные на сроки не свыше пяти лет и не за контрреволюционные преступления. Во вторую категорию входили осужденные на сроки свыше пяти лет. К третьей категории относились судимые за контрреволюционные преступления и нетрудовые элементы.

В соответствии с Положением об исправительно-трудовых лагерях в отношении заключенных устанавливались три вида режима: первоначальный, облегченный и льготный.

Первоначальный режим распространялся на всех заключенных в течение следующих сроков: к заключенным первой категории – не менее полугода, второй – не менее года и третий – не менее двух лет. Они использовались на общих работах, проживали в пределах лагеря в специальных помещениях, не имели свободного выхода из этих помещений, на работу направлялись по общему списку.

На облегченном режиме заключенных использовали на постоянной работе в учреждениях, на предприятиях, промыслах; проживали они в общежитиях, прикрепленных к предприятиям; им предоставлялось право отлучек; на работу направлялись по рабочим книжкам. При условии хорошей работы они могли быть премированы.

На льготном режиме заключенные пользовались всеми правами облегченного режима. Кроме того, они могли выходить за пределы лагеря, занимать административно-хозяйственные должности и выполнять работы.

Рассмотренные виды режима не использовались на практике в силу двух об-

стоятельств. Во-первых, Северный лагерь особого назначения формировался за счет Соловецкого лагеря, где в качестве управленческой структуры, объединяющей заключенных, выступали взводы и роты, возглавляемые ротными старостами. Во-вторых, производственно-хозяйственная деятельность лагерей требовала оперативного распоряжения трудовыми ресурсами, а этому как раз и мешали закрепленные в Положении об исправительно-трудовых лагерях три вида режима [6].

На первоначальном этапе функционирования лагерей осужденные содержались без охраны под надзором администрации. Труд был обязательным для всех категорий правонарушителей, отбывавших наказания. Изменение условий содержания в лагерях повлекло за собой расслоение лагерников на категории. Соответственно, претерпела изменение существовавшая до того официальная система стратификации контингента.

В исправительно-трудовых лагерях на высшей ступени иерархической лестницы находились «воры» («паханы») – абсолютные авторитеты, власть которых распространялась на всех заключенных. Эту власть им давал появившийся вместе с лагерной системой неписаный «воровской закон». Изучавший обычаи преступной среды Д. С. Лихачев отмечал: «Поведение вора в своей среде ограждено и ограничено бесчисленным количеством правил, норм, своеобразных понятий о “приличии”, “хорошем тоне”, сложной иерархией подчинения друг другу. Каждое из нарушений этих норм поведения карается воровским судом с оригинальным судопроизводством, с немедленным приведением в исполнение всегда жестокого наказания. Власть воровской среды над отдельным индивидуумом исключительно велика. За внешней распушенностью их поведения скрываются жесткие, тесные, предусматривающие все, вплоть до мелочей, правила поведения, а в конечном счете общие, “коллективные представления”, которые делают поразительно похожими воров различных национальностей» [7].

Условия содержания осужденных в исправительно-трудовых лагерях были таковы, что позволяли воровской элите не только собирать сходки в масштабе лагеря, но и проводить «съезды», на которых присутствовали «делегаты» от всех лагерей. Это было возможно вследствие того, что осужденных разрешалось посылать в командировки по территории всей страны.

Поскольку административный аппарат лагерей во многом был укомплектован заключенными, для воров не было проблемой выехать в командировку. На таких «форумах» совершенствовались старые и формировались новые нормы, которыми должны были руководствоваться «истинные арестанты», а также поддерживавшие их осужденные. Выработанные на таких сходках основные нормы поведения сводились к следующему: запрещалось жить за счет собратьев, лгать своим товарищам, заниматься общественно полезным трудом, состоять в каких-либо общественных организациях, служить в армии, иметь семью и вести оседлый образ жизни, враждовать на почве национальных различий, признавать законы государства, стремиться к досрочному освобождению, вмешиваться в политическую жизнь страны, заниматься спекуляцией и коммерческой деятельностью, предъявлять претензии к ворам без решения сходки, проводить «правилки» (суды чести) в нетрезвом состоянии, брать в руки оружие, не выполнять принимаемые на сходках решения, иметь какие-либо контакты с органами правопорядка, совершать хулиганские действия.

Воровское общество обязывало своих членов следить за порядком в исправительно-трудовых лагерях, устанавливать там полную власть воров. В противном случае они должны были отвечать за положение дел перед сходкой воровских авторитетов.

В 1920-х гг. существовавшая в стране безработица и содержание осужденных в закрытых исправительных учреждениях – домах заключения (тюрьмах) – не позволяли занять лиц, отбывавших наказание, производительным трудом. Благодаря процессу индустриализации удалось ликвидировать безработицу. Вывод осужденных из закрытых исправительно-трудовых учреждений в лагерь с полусвободным режимом создал объективные условия для вовлечения всех осужденных в трудовые процессы, что привело к тому, что основная масса осужденных была занята производительным трудом и все они стали называться «мужиками». Эта категория заключенных до осуждения имела семью, многие служили в армии, их преступная деятельность не содержала ничего общего с воровской средой.

В лагерях большинство административно-хозяйственных и инженерно-технических должностей занимали осужденные. Поскольку труд был обязателен для всех, то «воры» не могли не приблизить «мужиков» к себе. Они хорошо понимали, что за счет

«мужиков» можно не работать и пользоваться всеми лагерными благами (премиальное вознаграждение, разного рода поощрения и т. п.). В своем большинстве «мужики» служивали «ворам», работали за них, подражали им в поведении, вносили деньги в общак и др.

В современных условиях стратификация в разных исправительных учреждениях имеет свои особенности. В мужских исправительных учреждениях реальная (теневая) власть принадлежит «блатным». Зоны, где хозяевами являются «блаткомитеты», называются «черными». Администрация как бы делегирует свои полномочия «блаткомитетам». Внешне такие учреждения производят благополучное впечатление: поддерживается распорядок дня, отсутствуют грубые нарушения режима и т. д. Зоны же, где реальная власть принадлежит администрации, называются «красными».

В исправительном учреждении представитель элиты криминального мира – это вор в законе, или смотрящий. Он обязан соблюдать тюремный закон, не должен иметь в своей биографии «темных» пятен, обязан вести себя по понятиям. На таких обычно возлагается обязанность осуществлять общий контроль за осужденными, разрешать возникающие конфликты, следить за тем, чтобы не притеснялись те, которых представители элиты взяли под свою защиту [2, с. 72–81].

Верхняя ступень в иерархической лестнице криминального сообщества принадлежит блатным – профессиональным преступникам. Блатной на зоне не должен работать. Из их числа, при отсутствии вора в законе, криминальными группировками, крышующими конкретное исправительное учреждение, назначаются «положенцы», призванные контролировать зону, решать возникающие конфликты, собирать средства в общак и др. Они обязаны следить за тем, чтобы в зону постоянно и своевременно попадал «грев» – чай, сигареты, спиртное, наркотики, деньги, продукты питания и др. Большая часть из этого предназначена для элиты, кое-что перепадает в ШИЗО и ПКТ, уходящим на этап.

Блатные не представляют собой однородную массу и подразделяются на две подгруппы: одни составляют окружение вора или смотрящего, другие ведут относительно независимый образ жизни, поскольку обладают большими денежными ресурсами, позволяющими им иметь мощную охрану и поддержку.

В целом блатные обязаны соблюдать воровской закон и соответствующим образом себя вести. При отсутствии вора в законе им запрещено созывать сходки, собирать и распоряжаться общаком. Будучи «положенцами», они не вправе принимать решение по вопросу, составляющему компетенцию воровских авторитетов, но могут и должны разбирать возникающие в среде осужденных конфликты.

Самой многочисленной группой являются мужики, занимающие в криминальной среде особое положение. Удел мужиков – работа, их кредо – жить тихо и быстрее освободиться. Ни в какие разборки они не вмешиваются, соблюдают арестантский кодекс чести. У «мужиков» есть свои авторитеты, с которыми «блатные» не только вынуждены считаться, но и прислушиваются к их мнению.

Особое положение на зоне занимают «пацаны», стремившиеся любыми путями попасть на взрослую зону. Они относятся к категории приближенных к блатным, выполняют все предписания воровского закона и являются кандидатами в «положенцы». Особенности их поведения проявляются в следующем: стремлении иметь запрещенные предметы, демонстрации независимости своим поведением, проявлении грубости к работникам администрации, уклонении от работ по благоустройству территории. В случае ущемления их прав со стороны других осужденных «пацаны» обращаются с жалобами не к администрации, а к авторитетам зоны. Предпочтение отдают яркой или черной одежде, а также обычно тщательно следят за собой.

Нарушение неписаных норм или правил воровского или тюремного закона чревато для виновного понижением статуса в иерархической лестнице. Наиболее распространенное наказание – «дать по ушам», то есть перевести в более низкую стратификационную категорию. До последнего времени понижение часто происходило путем совершения акта насильственного мужеложества или его имитации.

Особое место в иерархии занимают «обиженные», «опущенные», «петухи». Однажды попав в эту категорию, осужденный не сможет изменить свою жизнь. Их отношения с другими осужденными регулируются нормами тюремного закона. При переводе по каким-либо причинам в другой коллектив (отряд, камеру) «опущенный» обязан заявить о своем статусе.

Стратификация в женской колонии практически такая же, как и в мужской. Верхнюю

ступень занимают авторитетные осужденные, привлеченные к уголовной ответственности за воровство, убийство, грабеж, разбой. В этой же группе состоят подруги воров в законе и блатных авторитетов. Власть в женской колонии принадлежит смотрящей – опытной преступнице, обладающей всеми качествами лидера и выполняющей те же обязанности, что и смотрящий на мужской зоне. У нее может быть «муж» (кобель) из числа активных лесбиянок с подчеркнута мужской внешностью.

Вторую ступень занимают женщины, занятые в трудовых процессах. Они должны добровольно выделять средства на общак и при необходимости выполнять норму выработки за блатнячек. Женщины, судимые за убийство детей, в колонии презируются как другими осужденными, так и администрацией, у них на зоне особое положение.

К следующей категории относятся лесбиянки – «ковырялки». Они делятся на две категории. В одну категорию входят опытные в женском сексе активные лесбиянки, следящие за собой и пользующиеся спросом у любительниц однополрой любви. Они хорошо выглядят и предпочитают носить мужскую одежду. В другую категорию – сексуальные рабыни, всеми презируемые, обязанные по первому требованию доставить удовольствие обратившимся к ним.

Особую категорию – «запомоенных» – составляют опустившиеся женщины, не следящие за собой. За подачку их нанимают для выполнения самых грязных и тяжелых работ. Они ведут забитую, полуголодную жизнь и общаются только в своем кругу.

Стратификация в тюрьмах и следственных изоляторах также имеет свои особенности. Смотрящие в этих учреждениях выполняют те же функции, что и вор в законе в колонии. При отсутствии вора в законе его обязанности возлагаются на самого уважаемого из среды воров, пользующегося непрерываемым авторитетом, знающего и почитающего воровской закон. Принятое

им решение обязательно для всех содержащихся в тюрьме или в следственном изоляторе.

Смотрящий за централом своей властью назначает смотрящих за хатой (камерой). Он должен не только принадлежать к касте воров, но и быть уважаемым в среде осужденных. Принятое им решение подлежит исполнению всеми обитателями камеры. Он обеспечивает решение всех вопросов. При затруднении по собственной инициативе может обратиться за консультацией к смотрящему за централом.

При большом количестве содержащихся в камере образуются «семьи» по разным основаниям: земляки, по национальному признаку, криминальной профессии и др. Возглавляет семью «семейник» – не только уважаемый в ней человек, но также обладающий качествами лидера и даже дипломата. Между семьями могут возникать конфликты или недоразумения, и задача «семейника» – защищать свою «семью» от других. Если ему не удастся решить возникшую проблему, то он вправе обратиться за помощью к смотрящему за хатой, а в отдельных случаях и к смотрящему за централом.

В каждой камере есть «дорожник» – человек, пересылающий записки в другую камеру. Он должен уметь передавать записки, знать расположение камер и понимать условные сигналы «цинки». Единственный человек, который не может быть «дорожником», это «обиженный», что соответствует категории «опущенный» в исправительном учреждении.

Иерархия играет важную роль в жизни общества. Она определяет, какое положение в данном обществе занимает гражданин, и понуждает его двигаться по иерархической лестнице вверх или вниз, и это движение во многом зависит от личности индивида и его устремлений. Аналогичные процессы характерны и для криминального сообщества, а движение по иерархической лестнице связано с соблюдением воровского и тюремного законов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимков, В. М. Криминальная субкультура / В. М. Анисимков. – Уфа : УЮИ, 1998. – 168 с. – ISBN 5-7247-0169-3.
2. Антонян, Е. А. Криминальная субкультура осужденных / Е. А. Антонян // Философские науки. – 2010. – № 5. – С. 72–81.
3. Антонян, Ю. М. Глубинные истоки криминальной субкультуры / Ю. М. Антонян, Е. А. Антонян // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 324–331.
4. Громов, В. Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Громов Владимир Геннадьевич. – Саратов, 2009. – 447 с.
5. Егошин, О. А. О первой государевой тюрьме на Марийской земле / О. А. Егошин // Вестник Марийского Государственного университета. Серия : Исторические науки, Юридические науки. – 2007. – № 3 (11). – С. 17–25.
6. Крашенинникова, Я. М. Тюрьмы, лагеря и колонии России / Я. М. Крашенинникова, М. Г. Детков. – Москва : Вердикт-ИМ, 1999. – 448 с. – ISBN 5-87143-013-9.

7. **Лихачев, Д. С.** Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д. С. Лихачев // Язык и мышление. Вып. 3–4. – Москва : Издательство Академии наук СССР, Ленинград : Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, 1935. – С. 47–100.
8. **Петухов, Е. А.** История пенитенциарной системы Забайкальской области (80-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Петухов Евгений Александрович. – Улан-Удэ, 2004. – 152 с.

REFERENCES

1. Anisimkov V. M. *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal subculture]. Ufa, 1998. 168 p. (In Russ.).
2. Antonyan E. A. *Kriminal'naya subkul'tura osuzhdennykh* [Criminal Subculture of Convicts]. *Filosofskie nauki – Philosophical sciences*, 2010, no. 5, pp. 72–81. (In Russ.).
3. Antonyan YU. M. *Glubinnye istoki kriminal'noj subkul'tury* [The deepest sources of the criminal subculture]. *Rossiiskij kriminologicheskij vzglyad – Russian criminological view*, 2009, no. 2, pp. 324–331. (In Russ.).
4. Gromov V. G. *Kriminogennost' mest lisheniya svobody i ee nejtralizaciya*. *Diss. dokt. yurid. nauk* [Criminogenicity of places of imprisonment and its neutralization. Diss. Dsc. in Law]. Saratov, 2009. 447 p. (In Russ.).
5. Egoshin O. A. *O pervoj gosudarevoj tyur'me na Marijskoj zemle* [About the first sovereign prison on Mari land]. *Vestnik Marijskogo Gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoricheskie nauki. YUridicheskie nauki» – Bulletin of Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences»*, 2007, no. 3 (11), pp. 17–25. (In Russ.).
6. Krasheninnikova YA. M., Detkov M. G. *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii* [Prisons, camps and colonies of Russia]. Moscow, 1999. 448 p. (In Russ.).
7. Lihachev D. S. *CHerty pervobytnogo primitivizma vоровской речи* [Features of the primeval primitivism of thieves language]. *Yazyk i myshlenie. Vyp. 3–4* [Language and thinking. Iss. 3–4]. Moscow, Leningrad, 1935, pp. 47–100. (In Russ.).
8. Petuhov E. A. *Istoriya penitenciarnoj sistemy Zabajkal'skoj oblasti (80-e gody XIX v. – fevral' 1917 g.)*. *Diss. kand. ist. nauk* [The history of the penal system of the Transbaikalian region (80s of the XIX century. – February 1917)]. Diss. PhD. in History]. Ulan-Ude, 2004. 152 p. (In Russ.).